

<В.А. Кирин>. Беседы о литературе.
„Книжки недели“, 1891, январь

(мас. №80)

178

книжки недели.

Мирабо опостылѣлъ, утѣхи любви пережиты уже десять лѣтъ тому назадъ, въ героевъ вѣра утрачена, — а талантъ все-таки восхищается утромъ, любовью, гимназистомъ и героями. Талантъ, оказывается, жилъ и писалъ въ пустотѣ и попусту.

Самымъ яркимъ примѣромъ молодого таланта, задохшагося въ пустотѣ, былъ покойный Гаршинъ. Началь онъ упомянутой «свѣжестью чувства», — непритязательными рассказами изъ времени послѣдней войны. Потомъ онъ сдѣлалъ попытку осмыслить жизнь маленькаго кружка, въ которомъ вращался, кружка петербургской интеллигенции. Пока онъ говорилъ о людяхъ, еще не вступившихъ въ огромную жизнь, разлитую отъ Камчатки до Александрова, онъ еще имѣлъ удачу, и далъ рядъ вѣрныхъ портретовъ учащейся молодежи, скрашенныхъ и оживленныхъ «свѣжестью чувства». Удача эта — вполне понятна, потому-что авторъ рисовалъ героевъ той-же свѣжести чувствъ. Но лишь только Гаршинъ пережилъ первую молодость, лишь только онъ захотѣлъ изображать людей законченныхъ, людей не подготовляющихся къ жизни, а уже живущихъ, — онъ сдѣлался сухъ, скученъ и неестественъ. Его «Надежда Николаевна» — повѣсть «духовно-правственная» и мертвенная, а не художественное произведение. Гаршинъ задохся.

Нѣчто подобное повторяется и съ самымъ крупнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ молодымъ изъ беллетристовъ послѣднихъ лѣтъ, г. Чеховымъ. Онъ былъ замѣченъ очень недавно, всего лишь три-четыре года тому назадъ, но уже пользуется большою и вполне заслуженною извѣстностью, и какъ беллетристъ, и какъ авторъ очень «свѣжей» комедии «Ивановъ». Это талантъ тоже «свѣжаго чувства». Но его свѣжесть — выдающаяся, общающаяся очень много. Въ свѣжести г. Чехова не одна только молодость, а и крупный художникъ. Онъ не только увлекается самъ, но и увлекаетъ. Кроме способности увлекаться, природа одарила его чрезвычайно рѣдкимъ, присущимъ только большимъ художникамъ даромъ, такъ сказать, перевоплотиться

Оттиск статьи французского в 5-мъ Чехова.
На первой странице рукою Чехова:
„912.“ (Ф. Музей Чехова в Ялте).

XX
 въ своихъ дѣйствующихъ лицахъ. Его дѣти, пономари, старые профессора, молоденькія дѣвушки, жида, скотопрмышленники—не одни лишь прочувствованныя описанія людей, а настоящіе живые люди, во всей ихъ новизнѣ и неожиданности. Чеховъ, какъ выдающійся актеръ, не играетъ ту или другую роль, а какимъ-то чудомъ,—чудомъ истиннаго творчества,—и тѣломъ и душой преображается въ изображаемое лицо. Въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько напоминаетъ Толстого, великаго мастера проникать въ чужія души, притомъ, повидимому, совершенно несродный автору. Въ то время, какъ у другихъ писателей «психологическій анализъ» однообразенъ, потому-что они берутъ людей наиболѣе близкихъ къ себѣ по ихъ душевному складу, Толстому доступна и душа ребенка, и душа стараго сановника, и мысли и ощущенія дѣвушки, и душевныя движенія пьяницы отставного солдата. Вы читаете и все это у Толстого находите поразительно новымъ и несомнѣнно вѣрнымъ правдѣ. Толстой довелъ эту сторону своего таланта до виртуозности и далъ намъ собачью, лошадиную—«психологию». Г. Чеховъ, повторяетъ сродни Толстому по своей способности изображать чужую душу неожиданно-ново и убѣдительно-правдиво. Онъ—крупный побѣдитель въ борьбѣ съ трудностями творчества.

XXX
 Когда я смотрю на томики рассказовъ г. Чехова, они представляются мнѣ красивыми и душистыми цвѣтами. Ихъ много; всѣ они прекрасны; нѣкоторые совсѣмъ невиданные,—новыя разновидности, обязанныя своимъ происхожденіемъ исключительно талантливому садовнику. Цвѣтовъ много, но нѣтъ букета, а только пучки цвѣтовъ. Вездѣ «свѣжесть чувства», вездѣ «искренность настроенія»,—но что-же дальше? Намъ скажутъ, что и дальше будетъ все то-же; и что это такое-же искусство, какъ и большіе романы Толстого или поэмы Пушкина. Намъ укажутъ на Фета, который своими эфирными стихотвореніями на неупловимыя психологическія темы завоевалъ себѣ мѣсто въ первомъ ряду литературы.

Не я стану опровергать мнѣніе, что все роды искусства одинаково хороши; но для меня ясны и личныя различія авторовъ. Г-нъ Чеховъ никоимъ образомъ не безмятежный лирикъ, который живетъ только самимъ собой и волнуется только своими личными чувствами. Молодого автора занимаютъ люди и ихъ жизнь,—современные люди и современная жизнь. Въ началѣ это было неясно,—молодой авторъ, видимо, еще радовался жизни и творчеству; но затѣмъ все яснѣе начинаетъ звучать струна разума. Въ «Ивановѣ» рѣшается не одна психологическая задача; для этого «Ивановъ» слишкомъ реаленъ и обстоятеленъ. Въ «Скучной исторіи» слишкомъ мало жизнерадостности, чтобы происхожденіе этой вещи искать въ юношескомъ самоуслажденіи творчествомъ. Въ молодомъ авторѣ начинаетъ пробуждаться бытописатель,—пробуждается, осматривается и ничего не можетъ различить въ сѣромъ туманѣ русской современности.

«Ивановъ», «Скучная исторія» уже носятъ въ себѣ зачатки хандры. Хандрящій человекъ—апатиченъ. Эта-то апатія и проявляется въ названныхъ произведеніяхъ г-на Чехова,—пока еще не въ творческихъ его усиліяхъ, а въ настроеніи, которымъ проникнуть объ вещи. Если это настроеніе продлится, талантъ, конечно, увянетъ.

Вотъ въ такіе-то критическіе моменты развивающемуся таланту и необходимъ критикъ, который сприскунуть-бы его живой водой. Встарь такимъ пѣлителемъ былъ Бѣлинскій, въ шестидесятые годы Добролюбовъ и увлекавшійся, но бодрый и убѣжденный Писаревъ. А въ наше время кто придетъ на помощь, кто брызнетъ живой водой? Никто изъ современныхъ критиковъ не въ состояніи указать живого дѣла, отвлечь мысль отъ безплоднаго погруженія въ «проклятые вопросы», отогнать хандру и избавить отъ апатіи.

И все-таки во мнѣ таится увѣренность, что г. Чеховъ разберется въ русской жизни и изъ цвѣтовъ, которые онъ насбиралъ и которые онъ умѣетъ искать, составитъ бу-

летъ. Въ его творествѣ чувствуется что-то слишкомъ сильное, твердое, чтобы ему поддаться равнодушію. Онъ распоряжается перомъ съ такимъ присутствіемъ духа, что является невольная увѣренность въ его дальнѣйшей художественной будущности. Если-же и ему не удастся развить свои силы въ полной мѣрѣ, тогда остальнымъ молодымъ талантамъ со спокойной совѣстью можно подальше забросить свои перья и искать другихъ, менѣе оскорбительныхъ занятій, чѣмъ ремесло литературнаго неудачника.

У насъ нѣтъ критики, общественная мысль спитъ, — но не можетъ-же жизнь замереть окончательно. Живемъ и мы, но мелкой жизнью. Наше время — «дѣлцкое» время.

Дѣлцкое время, можетъ быть, и очень полезное время; но скучное. Оно, занятое мелочными заботами текущей минуты, не даетъ поводовъ къ поднятію духа, къ пафосу, къ вдохновенію. Маленькіе люди заняты маленькими задачами, преимущественно арифметическими, и ни о чемъ великомъ, кромѣ великаго мошенничества, знать не хотятъ. Мошенниковъ судятъ, осуждаютъ, ссылаютъ въ Сибирь, и маленькіе люди, вздохнувъ свободно, снова садятся за свои задачки.

Маленькимъ арифметическимъ героямъ соответствуютъ маленькіе, полу-талантливые писатели. Изъ этихъ маленькихъ писателей совсѣмъ не такъ мало, какъ принято думать. Ихъ не только не мало, но они, несмотря на то, что настоящими талантами, заправскими художниками ихъ назвать нельзя, вовсе не плохіе писатели, и будь мы болѣе культурны, мы цѣнили-бы ихъ и знали.

Типомъ хорошаго маленькаго писателя можетъ служить г. Боборыкинъ. Съ легкой руки нашихъ великихъ критиковъ къ нему приято относиться не то снисходительно, не то презрительно. Несчастіе г-на Боборыкина въ томъ, что онъ родился русскимъ. Будь онъ французскимъ писателемъ, — конечно, онъ раздѣлилъ-бы славу и деньги съ Мопассаномъ и Бурже. У Мопассана — слава и собственныя яхты; у Бурже слава — и, должно-быть, тоже собственныя яхты;

у г. Боборыкина только насмѣшливыя клички и прозвища, изобрѣтенныя зубоскальствомъ россійскихъ критиковъ.

Г-нъ Боборыкинъ слѣдитъ за минутой и изображаетъ ея героевъ. То-же дѣлать и Щедринъ, но съ иной точки зрѣнія, съ идеальной. Разница между идеаломъ и дѣйствительностью была велика и вызвала сатирическіе громы и молніи. Настроеніе г-на Боборыкина не такъ высоко; онъ просто портретистъ, но толковый, умѣлый и интересный. Его многочисленныя произведенія—альбомы фотографическихъ карточекъ, снятыхъ съ героевъ минуты. Матерьялъ очень цѣнный и за очень большой періодъ времени, больше чѣмъ за тридцать лѣтъ. Пересматривая его, какъ-будто читаешь дѣльныя и интересныя корреспонденціи. Изъ нихъ вы узнаете о настроеніи русскаго общества въ данный моментъ, о преобладающихъ теченіяхъ общественной мысли, о томъ, въ какихъ формахъ выражаются преобладающія идеи. Это цѣлая исторія,—рядъ боборыкинскихъ романовъ, начинающихся романомъ «Въ путь-дорогу», отражающимъ русскихъ интеллигентныхъ людей конца пятидесятихъ годовъ, и кончающихся недавно напечатаннымъ «На ущербѣ», картиной жизни годовъ тридцатыхъ-bis. Конечно, творчество г-на Боборыкина не достигаетъ вершинъ искусства; конечно, авторъ не глубокій философъ-соціологъ, обнимающій своимъ глубокомысленнымъ окомъ, подобно Тургеневу или Достоевскому, цѣлыя историческія эпохи; конечно, г. Боборыкинъ не философъ-этикъ, рѣшающій основныя задачи духа,—но онъ знаетъ и эстетику, и философію, знакомъ съ произведеніями своихъ старшихъ товарищей по ремеслу, опирается на нихъ, руководится ими и даетъ дѣльныя и занимательныя картины мелкихъ второстепенныхъ проявленій жизни, которыя не замѣчаются крупными художниками или не интересуютъ ихъ. Большіе люди дѣлаютъ большое дѣло, средніе люди—среднее, а читатель, изучая тѣхъ и другихъ въ связи, долженъ быть благодаренъ и чѣмъ и другимъ. Но г. Боборыкинъ благодарности не видитъ. Наша публика должна быть ошеломена для того, чтобы хоть что-

либѹ почувствовать. При этомъ, ошеломить ее можно не только гениальной вѣщью, но и наглостью. Произведенія нашихъ бульварныхъ писателей, которыхъ въ послѣднее время развелось въ мелкой прессѣ и по иллюстрированнымъ изданіямъ множество, пользуются извѣстностью ничуть не меньшей, чѣмъ творенія Толстыхъ и Достоевскихъ.

Г-нъ Боборыкинъ—описатель интеллигентныхъ маленькихъ людей. Но наряду съ нимъ стоитъ цѣлая фаланга знатоковъ другихъ слоевъ общества. Описаны, и очень толково и интересно, приволжскіе мужики и мѣшане, горнозаводскій бытъ Урала, раскольники восточной Россіи, земли, деревенскіе священники, среднее и мелкое чиновничество, малороссійская деревня и т. д., и т. д. Маминъ-Сибирякъ, Саловъ, Забытый, Потапенко и многіе другіе менѣе извѣстные не мало потрудились на этомъ поприщѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Сибирякъ въ «Горномъ гнѣздѣ» и г. Саловъ въ большинствѣ своихъ произведеній, едва не поднялись до настоящей художественности. Почему-же они все-таки не поднялись? Да все потому-же, что нѣтъ руководящей критики, которая осмысливала-бы жизнь. Безъ ея помощи и талантливые писатели не пошли дальше портретовъ и глубже внѣшняго описанія быта. Часто описанія эти бываютъ слишкомъ обстоятельны и потому скучноваты.

Наименѣе грѣшитъ такой суховатостью и скучноватостью г. Потапенко. Г-нъ Потапенко обладаетъ счастливымъ даромъ юмора, который дѣлаетъ его вѣщи, несмотря на то, что пишетъ онъ тоже о маленькихъ и временныхъ явленіяхъ жизни, ярче и оживленнѣе. Юмористическія способности г. Потапенко далеко недюжинныя, и удайся ему разобраться въ русской жизни, набрести на широкія темы, онъ могъ-бы стать наряду съ г. Чеховымъ, съ его наивной свѣжестью чувствъ и искренностью серьезнаго настроенія.

Бесѣдовали мы, читатель, бесѣдовали—и до чего-же, наконецъ, добесѣдовались?

Русская беллетристика за послѣдніе годы не дала ничего выдающагося, а только скромныхъ бытописателей, безъ руководящей идеи и широкаго вліянія. Болѣе серьезные таланты «возникали», «обѣщали» и, не успѣвъ развѣсть, отивѣтали. Критика въ началѣ привѣтствовала ихъ и по-здравила, но не могла объяснить, съ чѣмъ-же она по-здравила. Когда таланты впадали въ апатію и начинали увядать, критика только ругательски ругалась и поѣдомъ ѣла.

Таланты не виноваты въ своемъ безвременномъ концѣ. Они были художниками, а дѣло художника—не размышлять, а придавать жизненность идеямъ специалистовъ мысли,—критиковъ, публицистовъ и ученыхъ.

Что-же дѣлали русскіе мыслители?—Да ничего. Три послѣднія десятилѣтія русской жизни прошли какъ-то сами собою, день за днемъ, черезъ пень-колоду, безъ содѣйствія партикулярныхъ мыслителей. Тридцать лѣтъ тому назадъ они захотѣли сдѣлать *все*; это оказалось невозможнымъ, и они порѣшили *ничего* не дѣлать. Мыслители оправдываются тѣмъ, что имъ помѣшали совершить великія дѣла. Ахъ, господа, господа! Мы, литераторы, всегда святы, всегда правы. Все дурное—не отъ насъ. Все благое мы приписываемъ себѣ, хотя благое-то это существуетъ нерѣдко не въ дѣйствительности, а въ возможности. Даже когда литераторъ спивается съ кругу и умираетъ отъ запоя, мы и тогда не говоримъ, что онъ умеръ отъ пьянства, а выражаемся такъ: «Къ сожалѣнію, NN страдалъ тяжкимъ недугомъ, сведшимъ не мало русскихъ выдающихся людей въ могилу; этотъ-же недугъ преждевременно пресѣкъ плодотворную дѣятельность покойнаго». Попробуйте изобразить русскаго литератора не ангеломъ доброты и невинности, а со всѣми его недостатками,—увидите, какую извошпичью ругань подымутъ эти ангелы.

Господа, перечтите сдѣланныя мною выписки изъ дневника Никитенки и на первый разъ сознайтесь хоть въ не-

опытности, неумѣлости, незрѣлости. Мала причины могутъ вызвать большія послѣдствія. Вонъ что дѣлается въ Англии только потому, что мистеръ Парнелль слишкомъ пылко влюбился въ мистриссъ Оши. Парнелль погибъ; Гладстонъ, самъ Гладстонъ (быть можетъ, величайшій изъ политическихъ дѣятелей столѣтія) хочетъ удалиться съ политической сцены; Ирландія, стоявшая уже на порогѣ свободной жизни, видитъ, что дверь въ эту жизнь того и гляди предъ нею закроется. Вотъ чѣмъ кончается неосторожность мистера Парнелля.

У насъ дѣло началось тоже съ неосторожности,—а кончилось «тридцатыми годами-bis»: омертвеніемъ общественной мысли, праздною болтовней, пасквилями и паденіемъ изящной литературы...

— И это вашъ выводъ? спрашиваетъ читатель.—И вы ничего не ждете ни отъ литературы, ни отъ жизни впереди?

— Я жду очень многого, отвѣчаетъ авторъ.—И это многое можетъ быть сказано въ двухъ строкахъ. Съ *одной стороны* долженъ появиться человѣкъ, который протянетъ руку. Но и съ *другой стороны*, и въ то же время, долженъ явиться такой-же человѣкъ. Иначе, все пойдетъ по старому. Я вѣрю, что это будетъ, потому-что это должно быть. Я хотѣлъ-бы дождаться этого. Если я замѣчу признаки, хотя-бы самые незначительные такого оборота вещей, я съ великой радостью отмѣчу ихъ. А пока—будемъ бесѣдовать о томъ что есть.

1.
<В. Л. КИГН>